

Олег Мироненко

Леший

Трилогия. Часть I

16+

Олег Мироненко

Леший. Трилогия. Часть I

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мироненко О.

Леший. Трилогия. Часть I / О. Мироненко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

И снова последний бой... Сколько таких битв уже повидала Русь-матушка? Сколько ещё впереди? Много, много... Герой попадает в сказку, перекочевавшую на Землю из другого мира. Сказку, погружающуюся во зло. Убивающую в нём человека. А ему очень надо им остаться, чтобы и другие тоже имели шанс оставаться людьми. Чтобы были написаны новые сказки, светлые и зовущие жить. Чтобы нечисть перестала плодиться на Руси. Это трудно, очень трудно - оставаться человеком.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глава 1

В пансионат (или дом отдыха, или неприметный глазу кабак – чёрт его знает) «Лукоморье» я приехал душным августовским вечером, когда в дороге не ощущаешь ничего, кроме солнца и пыли. Не заметив никаких признаков стоянки, также как наличия запрещающих знаков, я небрежно припарковал потрёпанную иномарку под развесистым дубом – без всякой златой цепи и кота; вылез из машины, размял затёкшие ноги и огляделся. Особо рассматривать было нечего. Казённое двухэтажное здание грязно-белого цвета, выцветшая на солнце вывеска «Лукоморье», широкая щербатая лестница, массивная деревянная двустворчатая дверь с бронзовыми давно нечищеными ручками – всё это оставляло лишь неприятный осадок от царящего запустения в месте, построенного в своё время с должным размахом. Приняв окружающую действительность как она есть, я решительно поднялся по лестнице, не без усилий открыл дверь и сразу оказался в довольно прохладном помещении, где в глаза прежде всего бросались хорошо сохранившийся кожаный диван и большой доперестроечный стол с табличкой «Администратор». За столом сидела миловидная женщина неопределённого возраста между тридцатью и сорока, чуть полная, с большими зелёными и настороженными (это слово первое пришло на ум) глазами. От стола явственно несло рыбой. Я не большой любитель играть в гляделки, но тут мы секунд тридцать молча рассматривали друг друга, оценивая достоинства и недостатки каждого, пока она первая не заговорила низким, чуть хриловатым голосом, который у женщин принято считать сексуальным (хотя, возможно, им просто поменьше надо было бы курить):

– Ну, здравствуйте, мил человек. Лешего нашего приехали навестить?

От такого попадания в яблочко я невольно растерялся, выдавая себя с головой, и неловко ответил вопросом на вопрос:

– К-какого лешего?

– Того самого. – Женщина чуть поморщилась. – Вы кто вообще – любитель или... как это там... специалист по парааморальным явлениям? При окладе небось?

И опять точно в цель. Я действительно работал в секретном Институте паранормальных явлений, и там накопилось достаточно информации для того, чтобы один из лучших сотрудников данного учреждения был послан командировку и разобрался, стало быть, на месте во всей творящейся здесь хреновине.

Между тем не в меру проницательная администраторша уверенно держала инициативу в своих руках:

– А почему бы нам с вами для начала не познакомиться? Аделаида Ивановна. Русалка. Днём.

В подтверждении её слов из-под стола вдруг появился большой облезлый рыбий хвост, игриво поиграл в воздухе и снова исчез, шумно плюхнувшись, по всей видимости, в какую-то большую бадью.

Я попытался мысленно досчитать до десяти, но Аделаида Ивановна прервала это моё занятие фразой:

– Зря вы машину под дубом поставили. Уберите, пока не поздно.

– П-почему? – выдал я из себя.

– Уберите-уберите. Поверьте, это очень хороший совет. – Он шевельнула хвостом.

Но машина занимала меня сейчас меньше всего.

– Вы... настоящая русалка? – промямлил я.

– А вам какая нужна? – иронично осведомилась моя собеседница.

– Н-не знаю, я никогда ни одной не видел... А почему вы не на дереве... не в ветвях? – блеснул я эрудицией шестиклассника.

– Хватит, насиделась, – неожиданно резко ответила женщина-русалка. И добавила вполне уже вполне миролюбиво:

– Уезжали бы вы поскорее отсюда. Тут и без вас весело.

– Да нет, пожалуй, мне лучше остаться, – медленно произнёс я. Аделаида Ивановна повела плечами, а заодно и хвостом:

– Ваше дело. Хотите с ума сойти – сходите. Вы, как я вижу, не сторонник прислушиваться к чужим советам. Будем заселяться?

Она записала мои данные в потрёпанный гроссбук, всем своим видом показывая, что не верит ни одному моему слову, но никаких документов не спросила. Мне был вручён ключ от комнаты № 17 и велено подниматься на второй этаж и далее по коридору направо. На том наш первый разговор и закончился.

Комната оказалась по коридору не направо, а налево. Я безуспешно несколько минут пытался провернуть ключ в замке, пока дверь под моим нажимом не открылась сама. Обстановка в номере была самая что ни на есть спартанская: тощий матрас на железной кровати, стол в окружении трёх ветхих стульев и умывальник типа «а-ля моя деревня» глаз особо не радовали. Правда, окно было широкое, занимавшее большую часть стены, и выходило оно как раз на дуб, одна из мощных ветвей которого почти касалась стёкол. Я осторожно присел на тут же заскрипевший стул и задумался. От дуба в комнату тянулись тени, и мною вдруг овладело какое-то смутное, иррациональное беспокойство. Я встал со стула и подошел к окну. Машина стояла под деревом. Решив для себя, что моё состояние вызвано словами Аделаиды Ивановны (как, впрочем, и экстравагантным видом последней), я счёл нужным всё-таки последовать её совету. Спустившись, я обнаружил осиротевший стол, и некоторое время мотал головой по сторонам, пытаясь обнаружить хоть какие-то признаки администратора. «У неё что... ноги выросли?» Я даже заглянул под стол – бадья с водой была на месте. Вздохнув, я уже без всякой охоты вышел на улицу, добрёл до машины, уселся на сиденье, повернул ключ зажигания... Машина не заводилась. Почему-то не особо этому удивившись, я вылез обратно, поднял капот и обнаружил отсутствие аккумулятора. Чтобы хоть как-то унять подступавшую вместе с сумерками совсем не шуточную тревогу, я решил для разнообразия рассердиться.

– Ну и какая сволочь это сделала? – заорал я, обшаривая взглядом территорию.

– Если через пять минут...

Никаких пяти минут не понадобилось. В ветвях дуба что-то зашуршало, и на крышу машины с грохотом свалился аккумулятор. Затем наверху кто-то то ли срыгнул, то ли мяукнул, причем как-то нехотя, без всякого довольства.

«Охренеть...»

Желания покарать обидчика не возникло у меня однозначно. Ноги сами устремились обратно к парадному входу, далее вверх – в номер, где я обнаружил уже опрятно заправленную кровать и тут же завалился на неё, пытаясь в глубинах сознания обнаружить остатки мужского достоинства. Их не было. Было огромное желание оказаться подальше отсюда, но за окном были дуб, поздний вечер и моя раскорёженная машина. И какая-то тварь, повадками напоминающая в меру сытого удава. В комнате скрипнул стул. Я вскочил, судорожно нащупал выключатель и при свете тусклой лампочки, выглядывавшей из пыльного неопределённого цвета абажура, увидел незамеченную мной ранее Аделаиду Ивановну, сидевшую в непринуждённой позе «нога-за-ногу», с руками, скрещенными на шедевральной груди. Ноги, как и руки, были чуть полными и очень сексуальными. Из одежды кроме чёрных чулок со стрелками на женщине больше ничего не было.

– Что же вы, дружок, из банальности трагедию делаете? – с лёгкой укоризной спросила Аделаида Ивановна, спокойно давая разглядывать свое почти совершенное тело.

Вид обнажённой человеческой плоти вдруг почти успокоил меня.

– Вам легко говорить... Вы сами себя считаете... – тут я слегка замялся, – обыденностью.

– Ну да. Обычная баба. И вы можете мне помочь. – Тут она закинула руки за голову и сладко потянулась. Я заморгал и отвёл глаза:

– Может, сначала *вы* хоть что-то мне объясните?

– Да что тут объяснять-то? – Вполне искренне удивилась женщина. – Было Лукоморье – стало Залукоморье. Скоро сам всё поймёшь, раз уж решил остаться.

Она перешла на «ты», и в этом «ты» у неё было больше вежливости, чем когда ранее она обращалась ко мне во множественном числе. Я помотал головой:

– Это не объяснение.

– Ну хорошо, – проворковала собеседница и провела руками сверху вниз по своим прелестьям. – Каких объяснений ещё желает мой милый мальчик?

Ох, как она это выдохнула – «мой милый мальчик». Нечто совсем уж плотоядное отразилось у неё на лице, и чувственность, никак неуместная для бывалого мужчины и опытного спецработника, полностью овладела мной.

Она, конечно, заметила, как я уже в открытую лихорадочно шарю глазами по ее ногам и выше, непринуждённо улыбнулась:

– Извини, привыкла нагишом в озере купаться. – Хохотнула:

– Однако, сейчас Машка подоспеет, так ты на меня больше и не взглянешь.

Я немного опомнился:

– Машка? Что ещё за Машка? Куда подоспеет? Зачем?

Опять смешок, почти вульгарный:

– А дочь бабы-яги это. Ей уж скоро лет триста стукнет... Мамаше-то, конечно, поболее будет.

Тут в комнату действительно вошла девица, медленно прикрыв за собой дверь, как бы сожалея о сужении радиуса обзора её форм оттуда, извне. Вся она была словно точеная: точеная маленькая головка в экзотическом обрамлении путаницы черных волос, точеная шейка, точеные упругие груди с точеными стоящими сосками, точеная талия, изящные точеный ножки с маленькими ступнями... Из одежды на ней, естественно, были только слегка прикрывающие лобок трусики и прозрачная мини-ночнушка. Эта немислимая по своей совершенности точеность сразу же скрутила моё либидо и начало выжимать из него соки эротических фантазий. Всё это, очевидно, явственно отразилось на моём лице, потому что Аделаида Ивановна (не без некоторой ревности в голосе), произнесла:

– Ну всё, Машенька, хватит... Пожалей человека.

И Машка тут же преобразилась. Волосы ее вдруг оказались заплетёнными в косу, шальные карие глазки потупились, на щеках заиграл смущенный румянец, а тело до самых ног прикрыл полотняный сарафан.

Мой пульс постепенно стал возвращаться от 180 к более привычной норме.

– Ну а теперь, милочка, расскажи вкратце нашему гостю, что тут у нас происходит. Вдруг его психика окажется сильнее, чем мне показалось вначале, и он именно тот, кто нам нужен, – мило проворковала Аделаида Ивановна.

– Ну что же, голубушка, раз вы так считаете... Как вы относитесь к сказкам? – обратилась непосредственно ко мне дочь сказочного персонажа. – Считаете их только плодом буйной фантазии, как и своей в данном случае?

Последнюю фразу она произнесла с явным удовольствием, как будто хорошо ответила на выученный урок.

– Ну... – я помялся с ответом, тем более что сомнения в расшатанной психике у меня действительно уже появились.

– Не нукайте. – Машка сдвинула писанные брови. – Всё, что когда-либо было описано в сказках, действительно происходило на самом деле. Слово-то оно, милок, не зря молвилось... О том же, что творится сейчас, разговор у нас пойдёт впереди.

Право, было несколько странно выслушивать, как молодая очаровательная девушка говорит чистым голосом, но с явными интонациями старухи.

– Так вот, – без запинки жарила роковая красавица, – в один прекрасный момент насочиняли столько, что деваться стало уж некуда: тут тебе и драконы, и кашеи, и водяные, и кикиморы, и домовые – да кого только не было! И все к нам, к нам – да куда же ещё-то? Порядок срочно надо было наводить. Ну и Сергееич – царствие ему небесное, как у вас говорят – его и навёл.

– Что за Сергееич? – осведомился я.

– Чё тупим, милый? – Машка пожевала медовыми губками. – Пушкин конечно же, Пушкин. Александр Сергееич. Он всем проживающим в Лукоморье место своё и определил. Кое-кем пришлось, конечно, пожертвовать. Драконы вымерли, домовые обиделись и сами по миру разбрелись. Так оно и шло до поры до времени... Но всем-то, понятное дело, не угодишь. Вот и у нас свой мессия объявился.

Тут фыркнула и подала голос Аделаида Ивановна:

– В ЛТП вовремя не определили, вот и объявился. Извини милая – продолжай, продолжай.

Голова у меня пошла кругом.

– Подождите, подождите... Так что, Лукоморье в самом деле существует?

– Ну как же... – Машка обиделась почти натурально. – О-хо-хо-х, вам ли не знать... А ведь многие и знали, да времена сам ведаешь какие были, так что был здесь заповедник закрытый. Кто привилегии имел, тот и коту слушал, и русалкой любовался, и у бабы-яги в баньке парился, и на неведомых дорожках невиданных размеров кабанов да медведей калечил. Всё было, милок. И леший был как леший – шут гороховый, да и только. Да вот только наловчился как-то из травки болотной кисель свой мерзкий делать, вот тут-то веселье всё и началось...

Машка немного помолчала, словно боясь наговорить лишнего. Продолжила, с некоторой натугой:

– В общем, чёрт ему привиделся. Сам-то он говорит, мол, дар ему открылся, теперь запросто с чёртом за одним столом сживает – с перепоею мужики и не такое могут насочинять, почище этого альфонса лохматого... Но кое-что всё-таки сходится.

– Что значит... сходится? – устало выдавил я.

– А ты подумай-ка, подумай, это полезно бывает... – Её снова прорвало. – Чёрту ведь что надо? Душу твою забрать, дар твой бесценный. Вот леший вроде бы как ему в этом деле и помогает.. Ведь природа-матушка как устроила-то? В каждом человеке и плохое и хорошее перемешано, но отродясь ему велено самому во всём разобраться: что в нём плохо, ну а что хорошо. Понимаешь, милок? Самому. А леший со своей отравой заставляет находить у людей в себе только плохое. Каждому по потребности, марксист хренов... – Рассказчица не то хихикнула, не то хрюкнула. – Слабину-то каждый в себе держит. Вот, например, водяная у человека душонка – ну так что ж? к водяному его теперь, в утопленники записываться? Или любит человек золото – ну, любит и любит – так, значит, к кашею его, болезного, в подручные? Или баба вон, на мужиков падкая – к кикиморам её, до смерти мужей неверных защекотывать?...

По коридору кто-то протопал, судя по звукам, явно босиком и с мокрыми ногами. Машка быстренько просунула голову за дверь и обратно, затем зло сплюнула на пол:

– Шляются тут...

– Простите... кто шляется? – мне, в общем-то, было уже всё равно, что за новый персонаж там появился.

– Да сам посмотри, что языком-то по-зряшному молоть...

Я осторожно выглянул за дверь и через три комнаты от себя увидел человека среднего роста, с водянисто-мучной кожей, с тинной на голове и плечах и с худыми ногами, которые венчали зримо перепончатые ступни. Из одежды на нём были только неряшливо всящие пиджак

и трусы. Человек тряся перед дверью, прыгал поочерёдно то на правой, то на левой ноге и что-то непрерывно бормотал. Затем внезапно он повернул голову в мою сторону, и я увидел его рыбы белёдые глаза, которые, казалось, будто и не заметили меня вовсе, отчего мне сделалось совсем муторно. «Водяная душонка...»

– Чего это он так ... нервничает?

Машка зевнула.

– От лешего явился... Заклинания вспомнить не может, чтобы в комнату попасть... Что-ты, они же все чародеи у нас теперь, дверь открыть без своей абракадабры не могут.

Машка опять плюнула на пол.

Тут в разговор вмешалась Аделаида Ивановна:

– Ну-ну, Машенька, хватит пожалуй... Человек с дороги, уставший, его пригреть для начала бы надо...

Как-то неожиданно проворно она оказалась рядом, обвила мою шею руками и поцеловала в губы... И вот мы уже лежим вместе на узкой кровати, она – сверху; и обволакивает, обволакивает меня своим телом, пока я не погружаюсь в сладкое бездонье... Потом – вспышка – на мне уже новое тело, жгучее и стремительное, берущее своё, истязующее мою плоть, ноющую до исступления – и снова провал в спасительную одурь... Когда я наконец очнулся, в голове сильно шумело, но не настолько, чтобы не слышать доносившийся шепоток:

– Ну, он или ни он?

– Ой, не знаю... Вроде бы ещё ни с кем так сладко не было... Есть в нём силушка, есть... Да как угадать-то? Опять ведь грех на душу можем взять...

Я открыл глаза и шепоток сразу смолк. Говорят, что мужики от секса глупеют, но я почему-то резко поумнел, а поумнев, спросил строгим и чужим для самого себя голосом:

– А ну, нимфоманки, быстренько выкладываем, какого лешего я вам тут нужен.

Они обе стояли передо мной голые, покрасневшие от пережитого грехопадения, и молчали. Наконец заговорила Аделаида Ивановна.

– Ну да ладно... Видно, судьба. Нужен ты нам, мил человек, действительно – ох как нужен...

– И для чего это? – подозрительно спросил я, вдруг представив нескончаемые дикие оргии.

– Да видишь ли, – Аделаида Ивановна смотрела куда-то мимо меня, – киселёк-то, что леший сподобил, особенный для нас, для здешних... Меня вот – женщиной делает, а ни рыбой – ни мясом; Машке – красоту даёт... Коту правда, впрок не пошёл, в остервенение только вогнал, хвост мне чуть не отгрыз – решил, что в доброго молодца превратился, а как был скотиной говорящей, так и остался. Леший-то потчевать нас этим кисельком потчует – но не за просто так, разумеется, сквалыга чёртов... – Аделаида Ивановна тут зримо закручинилась. – Услуги мы ему должны за это оказывать разные непотребные, Залукоморье его расширять, самим противно, уж мочи нет – а что делать? – мне опять в кадку? а Машке в страшилище трёхсотлетнее превращаться? И к нам, значит, ключик нашёл, окаянный... А я бабой простой хочу побыть, мужика найти путёвого. Детишек-то, понятно, завести вряд ли не удастся. И венчанной не ходить...

Она всхлипнула.

У меня снова разболелась голова.

– А ну-ка, быстренько пошли отсюда! – рыкнул я. – Устал я от вас что-то до невозможности...

Они тут же словно испарились. Я накрыл голову одеялом и странно быстро кувыркнулся в темень...

Глава 2

Проснулся я утром не сразу, всё никак не мог сбросить липкую паутину сновидений. Кое-как встал, ополоснулся мутноватой водичкой из умывальника, подёргал руками и ногами для поднятия боевого духа. Потом вздохнул, оделся и спустился в вестибюль, где уже игриво поигрывала хвостом в кадке Аделаида Ивановна.

– Доброе утро, мил-человек, – приветливо обратилась ко мне она. – Как спалось-то?

– Да вроде бы ничего... вашими стараниями, – не удержался я от шпильки в ее адрес.

Впрочем, она не повела ни ухом, ни хвостом.

– Поесть-то у вас можно где-нибудь? – решил я сменить тему.

– Ну а как же, как же... – проворковала Аделаида Ивановна, донельзя административная в пиджаке мужского покроя и строгой блузе.

Судя по её интонациям чаровницы-баловницы, я ожидал появление скатерти-самобранки – никак не меньше; но всё оказалось гораздо прозаичнее. Аделаида Ивановна достала какой-то замусоленный талон, потребовала от меня денег за комплексный завтрак, обед и ужин и отправила в столовую, которая находилась за углом. При этом велела поторапливаться и после приёма пищи немедленно возвращаться к ней, потому как скоро должна подойти Машка.

Я вздохнул и побрёл через уже опостылевший вестибюль на улицу.

На улице рос дуб. На его кряжистом суку сидел громадный чёрный котяра с белым узором на груди и исподлобья пялился на меня.

– Ну здорово, сволочь... – сказало вдруг животное утробным голосом-не-голосом, но явно членораздельно.

Я взбеленился. Увидел лежащий камень и направился было к нему, но вновь произнесённые с угрожающим шипением слова заставили меня остановиться:

– Желудями закидаю... А то и сук на башку свалится.

Это мне хотелось меньше всего. Пришлось пойти на мирные переговоры.

– Тебе чего от меня надо, недоразумение ты сказочное? Зачем машину угробил? – голос мой звучал низко и, как мне казалось, угрожающе.

– Неча под дубом было ставить. Мой дуб. – Кот смачно зевнул, ощерился зубастой пастью.

Зрелище было сильное, но я упрямо продолжил:

– Табличку приберей, мурло ушастое!

– Не хами. Убаюкаю.

И почему-то прикрыл свои бесстыдные зелёные глазища.

– Хрен тебе, – тут же воодушевился я. – Я тебя сейчас сам убаюкаю – так убаюкаю, что и налево, и направо одни частушки матерные будешь голосить!

Кот вдруг широко открыл зенки и упёрся зрачками прямо мне в переносицу. Там сразу же зачесалось, и я чихнул.

– Это что ещё за метода? – язвительно спросил я, постепенно успокаиваясь.

– Ну, не получилось... – Кот начал перебирать лапами, выставляя напоказ здоровенные когти. – Бывает. Щас зато получится.

Не знаю, чтобы у него получилось, но тут откуда-то выскочила Машка, схватила меня за руку и потащила прочь от дуба, приговаривая:

– Предупреждали тебя, олух, не связывайся ты с ним, вредный он, и кисель ему не на пользу...

Она дотащила меня до столовой, усадила за стол, притащила с кухни жаркое с зеленым горошком и стакан компота, бросила:

– Лопай давай, да дела пора делать!

Жаркое было вкусное. Компот сладким. Горошек я проигнорировал. Машка сидела напротив в своём сарафане и смотрела, как я ем. Выглядела она уже не так сексапильно, как вчера, черты лица у неё заострились, бросалась в глаза одряблость шеи. И голос был с какой-то трещинкой.

– Стареем? – попивая компот, не удержался я от явной бестактности.

Она только вздохнула.

– А ты как думал? Киселёк только вечером будет, а до этого его ещё заработать надо...

– За мой счёт? – вдруг вырвалось у меня.

– Соображать начал... – Машка пытливо изучала моё лицо. – Что помрачнел? Али забоялся уже?

Я допил кисель и решительно поднялся.

– Пойдём-ка. Не мешало бы для начала узнать, с чего мне вдруг вообще надо бояться.

Генеральный план компании был поведен мне в какой-то зачумленной кладовой, куда мы с Машкой переташили кадку с Аделаидой Ивановной (ох, и запашок же шёл от неё!), где, по словам источника амбре, нас вряд ли могли подслушать. Началось всё, естественно, с переживаний по поводу – тот я или не тот; когда «охи» и «ахи» достигли своего накала, мне пришлось прикрикнуть на них. Я сказал, что понятия не имею, тот я или не тот, а также кто они – те или не те. Как более великовозрастная и опытная первой сдалась Машка. Она сказала Аделаиде Ивановне, что устала от вечных ожиданий и готова рискнуть. Тогда последняя тоже решилась на ва-банк и дальше всякую хрень вещала преимущественно она. Ничуть не смущаясь Машки, она сказала, что мне надо к бабе-яге, что это редкостная сволочь, давно бы вошла в долю с лешим, но тот её не привечает. Кроме лешего, она ведёт интриги против водяного, ищет свой рецепт киселя и вообще – вряд ли она мне по зубам, но попробовать всё же стоит, потому что выхода у них нет и... Услышав мой зубовный скрежет, она тут же спросила, есть ли у меня вопросы к ней и Машке. Вопросы у меня были.

– Зачем мне вообще соваться к этой вашей бабе-яге?

– Потребности она твои определит... – Аделаида Ивановна явно начала скупиться на слова.

– Так... И как же я к ней попаду? – оценив эту скупость, ёкнул я нутром.

– А Машка и проводит... А то тут знаешь – на неведомых дорожках следы неведомых зверей. Да и богатыри расстарались – капканов везде понаставили...

– Тридцать три – или сколько их там – богатыря, что ли? – хмуро спросил я, опять начиная терять почву под ногами.

– Ну да... – Аделаида Ивановна немного оживилась. – Они здесь вроде как для охраны, но кроме как бражничать да шуметь по зряшным поводам ничего уж и не могут... Цепь вон золотую на печатки себе разобрали, когда модно было, ката в дупло запихали (три дня вылезти не мог, орал, как недорезанный) – вот и все их последние подвиги...

– Подожди-подожди, – встрепенулся я, – если они для охраны здесь, то почему сами этого вашего лешего не образумят?

– Так ведь пробовали уже... – Русалка снова угасла. – Слабы они против него. Всю силушку прображничали... Дядька ихний от злости балуется иногда кисельком, когда полетать хочет, чтобы, значит с черномором подраться. – Она покачала головой. – Про этого в последнее время вообще мало что известно – колдует там сам по себе, держится от всех в стороне, особенно от дядьки.

Я помолчал, покряхтел задумчиво. Продолжил дознание:

– А... К чему это леший дядьку киселём потчует?

Аделаида Ивановна потупилась, как от стыда.

– Да я так думаю – для смеха едино... Цирк устраивает, глумится.

Я вздохнул.

– Что тут у вас ещё за персонажи имеются? Как насчёт водяного?

– У-у, – русалка аж вздрогнула, – чума это болотная. Свой счёт на души ведёт. С ягой воюет по этому поводу, лешему же люто завидует... Но пока в драку не лезет, киселёк ему ох как нужен, так что в обмен на него всех своих кикимор заставляет по болотам шастать, корешки искать... Сколько раз сам пытался его сварить – бестолку всё. Секрет только леший знает.

Я ещё поднапряг память:

– А кашей как поживает? Над золотом чахнет?

Аделаида Ивановна фыркнула:

– А что ему будет-то? Барыга он и есть барыга. Дружок у бабы-яги, вечно вместе в каких-то проектах участвуют.

– Ещё какие-нибудь фольклорные личности присутствуют? – Всё не унимался я. – Соловей-разбойник, например?

Они переглянулись, пропустив мимо ушей «фольклорных личностей». Потом Машка стала загибать пальцы:

– Царевна сбежала давно – и слава Богу, а то совсем себя Катькой вообразила – со всеми мужиками переспала. Раз до сих пор не вернулась – значит, сгинула где-то. Волка вот жаль, добрый был зверюга, подстрелили по недоразумению... Про Соловья твоего тут слухом не слыхивали – это видимо, из другой оперы. Тут теперь новых персонажей полным-полно, из этих... натурализовавшихся.

– Каких-каких?

– Таких. Кто душу продал. Уж и не знаю кому – лешему-ли, чёрту-ли...

Мы ещё немного поболтали в том же духе, пока я не понял, что спрашивать-то, собственно говоря, больше и нечего, и придётся мне топтать к бабе-яге, если действительно хочу я хоть сколько-нибудь разобраться во всей этой этой баламути. Разбираться, однако, не очень-то и хотелось – слишком всё происходящее смахивало на плохой сон, да и подмоги никакой... Я было заикнулся Аделаиде Ивановне, что мол, неплохо бы было позвонить куда-нибудь, посоветоваться с товарищами, на что она тут же железным голосом ответила, что лишний шум им только во вред, что они с Машкой от всех своих слов откажутся и вообще окажусь я в дурдоме – куда мне и дорога, если я не тот.

Я вздохнул. Молвил устало:

– А теперь конкретно и без лирики: что вам от меня надо?

Всё с теми же стальными нотками в голосе русалка отчеканила:

– Лешего надо вернуть в прежнее его докисельное состояние. И добыть рецепт этого самого киселя. Для нас.

– Для кого это – для вас? – зачем-то переспросил я. Ох, не в своей я всё-таки был тарелке, не в своей.

– Как это для кого? – недобро прищурилась хвостатая администраторша. – Для нас Машкой, разумеется.

– А соблазна не будет свои порядки начать устанавливать?

Увидев на лице Аделаиды Ивановны готовность немедленно обидеться, я предостерегающе поднял руку.

– Ладно, ладно. Шучу я, шучу. Когда тронемся-то?

Тронулись почти сразу. Машка на прощание ещё о чём-то пошептала с Аделаидой Ивановой, но мне уже было на это наплевать. Кота на дубе не было, что немного меня расстроило – я хотел было напомнить ему про роту нетрезвых товарищей. Как бы-то не было, солнце было высоко, идти, как сказала Машка – недалеко, но все ноги обобьёшь; и я потопал навстречу своей судьбе.

Глава 3

Дорога и в самом деле оказалась разухабистой: переплетённые корни как будто специально лезли под ноги, еловые лапы ежово скользили по лицу, солнечный луч, бьющий в просветах по глазам и золотящий липнувшую к телу паутину, только усиливал и без того разительный контраст между чащобой и остальным миром. Мы обошли стороной бивак богатырей, чтобы не попасть в поле зрения гулких хмельных голосов, и некоторое время кружили по болоту, под безрадостное кваканье лягушек. Машка давала мне последние инструкции: ни в коем случае не называть своего настоящего имени («от сглазу»), ничего не пить и уж точно не есть («здоровее буду»), ни о чём не расспрашивать (мол, умников бабка на своём нескончаемом веку повидала немало). Наконец пришли. Избушка, заботливо прикрытая лапами двух сросшихся здоровенных елей, с почти полностью спрятанными под зелёным мхом куриными ногами, воображение не впечатляла. Но вот облик её обитателя, вышедшего на порог посмотреть, кого это там несёт, напрочь разбивал все стереотипы, заботливо выпестованные в своё время в гримёрке «Мосфильма». Нет – и космы седых спутанных волос, и костистое сморщенное личико с носом-крючком, и груды тряпья на высохшем тельце – были те же, что и в моём далёком детстве (бабка явно использовала киселёк не для омоложения, имидж есть имидж, нечего зря народ дурачить), но вот глаза... Они смотрели на меня безудержной синевой, радостные и недоумённые одновременно; а когда старуха сощурила один, как будто подмигнула, я не выдержал и заулыбался во весь рот. Машка толкнула меня локтем в бок и шепнула в ухо:

– Чё лыбишься? Не её это глаза. Кто-то слепой по миру бродит...

Мурашки побежали у меня по спине. «Душу прячет... Вот это гримёр так гримёр»

Бабуля заговорила первой, противным старческим голоском, но смачненько так:

– Машка, ты кого это привела? Как звать-величать молодца?

– Семёном звать, – чинно отвечивал я вместо Машки.

– Сенькой, значит... – Бабка без всякого стеснения зыркала по мне синевой. – Ну заходи в дом, Сеня, чё на пороге-то стоять. А ты, Машка, иди. Иди, кому говорю! Без тебя разберёмся, что это за гость такой.

Поднявшись по толстенным, явно дубовым, ступеням, я очутился в избе. Сразу бросились в глаза русская печь с большущим окном, выскобленный стол с лавкой, кованный сундук с витиеватой позолотой, закрытый на амбарный замок. Метла и ступа опрятно стояли в углу. Чистота в избе вообще была на грани аматофобии.

Яга усадила меня за стол, на который шустро поставила глиняные кувшин и кружку.

– Испей кваску с дороги, мил-человек, умаялся небось... – ворковала она вроде как радушно, но не менее противно, после чего уселась рядышком на лавку и уставилась мне куда-то в висок переносицу. Я тут же чихнул. «Они с котом там сговорились, что ли?»

Побуравив меня взглядом, старуха вздохнула и проговорила:

– Ты пей квасок-то, пей... Али брезгуешь?

После Машкиных наставлений пить не хотелось, но вцепившаяся в меня вялость не позволила придумать что-либо путное для отказа. Квас, однако, и в самом деле оказался отменный, холодно-бодрящий, с лёгкой кислинкой, – я пил и всё никак не мог оторваться, пока наконец не осилил изрядных размеров кружку. Когда же я перевёл взгляд на хозяйку, намереваясь искренне её поблагодарить, то сразу понял, что никаких благодарностей не требуется. Исподлобья свой чёрно-синий грозовой взгляд на меня оставил детина в форме сержанта НКВД. Не дав опомниться, детина заорал дурным визгливым голосом:

– Как тебя звать, с-сука? – после чего на мою голову обрушилась увесистая оплеуха, сбила меня на пол и оставила там беспомощного. Надо мной завис здоровенный кулак, и тот же дурной голос проверещал:

– Отвечать, когда спрашивают, падла!

Я закрыл глаза, надеясь умереть сразу, но в место зубодробящего удара к опухшей щеке прикоснулась узкая холодная ладонь, и ласковый девичий голос скороговоркой полился мне в уши:

– Ну что ты, что ты? Видишь, уже совсем-совсем не больно, ни капельки не больно...

Явственно я ощутил, как спадает опухоль на лице и перестает шуметь голова. Открыв глаза, я увидел склонившуюся над собой девушку с необыкновенной красоты небесными глазами, в одной полотняной сорочке; приподнявшись, я попытался охватить её руками и прижать к себе, но она увернулась и сильно толкнула руками в грудь. Больно ударившись затылком о пол, я на какое-то время отключился. Когда же сознание вернулось и я вновь смог обрести визуальный контакт с происходящей вокруг меня чертовщиной, то надо мной уже склонилось аскетическое лицо узника подземелья с пронзительным взглядом, и я услышал вкрадчивый шёпоток:

– Женщин любишь? Ну а золото, золото?!

«Кашей...» И я без раздумий выдохнул в ответ:

– Люблю... Люблю!

– Тогда возьми! — в полный голос, надсадно протрубил искуситель.

Тут же по невидимому повиновению властной руки моему взору предстал беззаботно булькающий горшочек в окне печи. По его бокам стекало что-то жёлтое. Медленно я встал, медленно подошёл к печи и медленно протянул руки к горшочку. Я и не думал, что способен на такое, но в тот момент за меня рассуждал кто-то другой. На сцене происходило сюрреальное действие с моим непосредственным участием, и мне нельзя было испортить роль. Сначала мне показалась, что боль в ладонях просто нестерпима, но тут я осознал, что горшочек-то совсем холодный. «Фокусники, мать вашу...» Пот всё-таки лил по мне ручьём.

Когда я обернулся, кашей уже исчез. Бабуля стояла, скрестив руки на груди, обволакивала меня синевой и бормотала:

– Женщин любишь, золото любишь... Есть в тебе силушка-то, есть – да против лешего одно не совладаешь, и себя, и душу потеряешь...

Заметив, что чешет стихами, яга захихикала.

Тут в дверь сильно постучали, судя по звуку – ногой, и настроение у бабки резко сменилось прямо на противоположное.

– Принесла, нелёгкая, заступничков... – проклекотала она.

Дверь распахнулась сама, и в избу зашли два колоритных персонажа: оба высокие, бородатые, в кольчугах на голое тело, со спутанными залежалыми волосами и босыми сурового оттенка ногами. У одного меч висел слева, у другого – справа. Правша выглядел постарше, он и забасил первым, обращаясь к хозяйке:

– Ну здорово, карга!

Та что-то неразборчиво пробурчало в ответ, явно недружелюбное.

Вслед за этим гость обратился ко мне:

– И тебе здорово, гнида!

В отличии от бабки, я сносить оскорбления не стал, и парировал коротко:

– Сам гнида.

К моему удивлению, обратная реплика не только не обидела гостя, но даже как-будто порадовала:

– Ого! Да ты мужик, оказывается, а не плесень болотная! Ну, давай тогда знакомиться. Степаныч я, а это Лёха. Богатыри мы, – скромно добавил он. – А ты, старая, накрывай на стол, да поживей, поговорить с человеком надо. Ты понимаешь? С ЧЕЛОВЕКОМ!

И сильно хрястнул кулаком по столу. Стоявший на столе горшочек подпрыгнул и приземлился уже на пол. Запахло кислыми щами.

Бабку прорвало.

– Ты что посуду бьёшь, ирод? На стол тебе накрывать, морда пропитая? Вон с полу лакай, холера! А ну, ступа да метла, проучите-ка непрошенных гостей!

И началась довольно весёлая потасовка: ступа и метла закружили вокруг Степаныча и Лёхи, пытаясь побольнее их поддеть, а те только побрякивали в ответ, пока наконец Степаныч, изловчившись, не поймал обеими руками ступу и не нахлобучил её на голову разошедшейся бабули. Лёха, в свою очередь, схватил метлу за черен и со всего размаха швырнул в услужливо приоткрывшуюся дверь. Победа над двумя продвинутыми деревяшками была полной.

Степаныч подошёл к посрамлённой яге и постучал костяшками по водружённой на её бедовой голове ступе:

– Ну что, красавица, полетать вверх ногами не хочешь?

«Красавица» быстро и невнятно что-то забормотала. Когда богатырь не без усилий удалил мешающий её членораздельному произношению предмет, оказалась, что бабка лопочет следующее:

– Вот сраму-то на старости претерпела, вот дура-то... Всё сделаю, милоч, всё сделаю. Сейчас-сейчас...

– Ну, то-то!

Степаныч с Лёхой заметно расслабились. И зря. Не переставая бормотать под нос, бабка вдруг как-то очутилась в ступе и, компенсировав отсутствие метлы невесть откуда взявшейся в руках поварёшкой, ловко сделала по комнате круг на бреющем полёте, хлопнув при этом по лбу и Лёху, и Степаныча, после чего вылетела наружу, оставив обоих недоумённо сидеть на полу. Первым, как и положено, в себя пришёл дядька и сразу грамотно заорал:

– Лёха... раскудрить твою тудыть... ты пошто старую проворонил?

Возложив таким образом ответственность за упущенную победу на всё ещё не очухавшегося Лёху, дядька переключил своё внимание на меня:

– Пошто лыбишься-то, прихвостень змеиный? А ну пошли в стан, поговорим там... по душам!

Мой за последние сутки довольно вялый внутренний голос вдруг прорезался и чётко подсказал, что подобного рода разговор с тремя десятками бомжеватого вида заступничками вполне может закончиться для меня в каком-нибудь близлежащем дупле... но делать было нечего. Вздохнув, я первым поплёлся к выходу.

Глава 4

Стан богатырей располагался на поляне с живописными видами на лес, болото и сортир. Жили богатыри в палатках; на мой вопрос, где они зимуют, Степаныч нахмурил брови и бросил, что в схронах. Мне стало интересно, как это Аделаида Ивановна справляется с натиском тридцати с лишним мужиков в ненастную погоду, и я решил при случае (ох, представится ли?) расспросить её об этом поподробнее. Мимоходом я заглянул в одну из палаток, откуда на меня шибанул перезрелый запах сена, пота и шкурок убиённых зверьков, распятых на деревянных колышках.

Сели в теньке за добротный деревянный стол. Народу собралось человек двадцать; остальные, видимо, шлялись с разными намерениями по лесу. Обстановка поначалу была довольно-таки напряжённой. За всё время распития трёх кружек забористой и приятной на вкус медовухи Степаныч обратился ко мне с единственной фразой: «Тебя Машка к яге привела?» и, после моего утвердительного ответа, буркнул: «Я бы эту Машку...», на что богатыри дружно закивали, выражая полное единомыслие со своим дядькой.

«Стосковались ребяташки по матриархату...», – подумалось мне, когда я вливал в себя очередную порцию душистого зелья. Тосты за здоровья присутствующих при этом не произносились. Закуска была преимущественно растительного происхождения.

Наконец Степаныч подобрел.

– Ну что, мать твою ети... как вам наши калачи? – довольно добродушно молвил он.

Я был готов подхватить начавшийся разговор:

– Калачи... мать вашу ети... съели мыши, как харчи.

Степаныч озадачился:

– Аллегория?..

– А хрен его знает...

Я принял ещё кружку. Степаныч крякнул:

– Только такого удальца нам тут и не хватало...

Я обиделся:

– А что, только вам одним у бога брагу тырить?

Тут обиделся уже Степаныч:

– Умный ты, я погляжу... За Машкой на хрена поперся? Чего у тебя с ней?

Богатыри дружно навострили уши.

Я подумал и решил переть на пролом. Медовуха действительно была хороша. Почище сыворотки правды.

– Да ничего, собственно... – Слова лезли из меня с трудом. – С лешим вот пообещала помочь встретиться.

Степаныч крякнул.

– Ну, хоть не врешь... – Он подёргал себя за бороду. – А на кой это тебе надо? Человеком быть надоело?

«Так-так, теплее», – подумал я, вслух же произнёс:

– Эка ты загнул... Да любопытно мне просто стало. Больно уж чудно о нём рассказывают.

– А ты бы поменьше слушал, – насупил брови дядька. Затем с видимой неприязнью продолжил:

– Знаю я таких... умников. Силушкой померяться хотят, да всё одно боком выходит. Не справиться тебе с лешим. Мы и то вон не справились...

– Вы? П-почему? – я попытался выказать удивление, широко вылупив глаза.

– Почему-почему... – Степаныч совсем помрачнел. – Дураки потому что. Как-то бражничали вместе... ну, и закинули его в болото: так, что три дня о нём никто ни слухом, ни духом

не ведал. Каких уж он там корешков нашёл для опохмелки, откуда ему это открылось – один леший и знает, но уж отомстил он нам, так отомстил... Напоил кисельком при встрече. И ведь чувствовал я, что не надо пить его отраву, неспроста это – да что там теперь... Досыта все напились.

– А всё-таки, позвольте поинтересоваться... что же теперь? – голова у меня начала кружиться.

– А по-разному у всех. – Дядька также нехотя цедил слова, но тянуть их из него волоком не приходилось. – Меня вон Земля-матушка не держит, кувыркаюсь в воздухе, как яга в своей ступе, Лёха – тот на любой кикиморе жениться готов, Митька ягу мамой звать начинает... Но главное – силушку мы свою растеряли. – Он покачал головой, запустил пятернёй в лицо, замычал оттуда:

– Сколько раз собирались с лешим поквитаться, а он только смотрит на нас и смеётся, смеётся лохматый... Ну, а мы друг дружку молотим со злости. Понял, нет?

– Что... понял? – ничегошеньки я уже не понимал.

Дядька разом рассердился, загудел:

– Да нам-то место здесь навеки определено, и судьба наша определена, и другими мы стать не можем, хотя русалка вон всё пытается... и то против лешего слабину дали! не устояли, значит... Что же про тебя-то, непутёвого, говорить? – Он упёрся кулачищами о стол, набычился на меня. – Ты вот для чего живёшь-то?

Я в одиночку пригубил медовухи и попытался уклониться от ответа:

– Ну... Живу, потому что живу. Надо так.

– Чё несёшь-то, ирод? Кому это надо? Тебе, судя по всему, не очень-то. Герой. Тьфу...

Дядька зло сплюнул.

– Таких вот леший и привечает, малохолвных. Сразу начинают понимать, зачем на белый свет заявились. Баб щупать да деньги в кубышку прятать... Или сразу – в омут с головой.

– Ну... ик... и что же мне прикажешь теперь делать, а?

– А я тебе сейчас скажу, что...

Степаныч распрямылся и как-то лениво, буднично двинул мне кулаком в переносицу. Мешком свалившись с лавки и цепляясь за остатки угасающего сознания, я успел ещё пьяно подумать: «Так вот к чему там весь день свербило...»

Глава 5

... Откуда сверху лилась вода, щекоча ноздри, пока я наконец не чихнул. Переносица отозвалась тупой болью, и заплывшие глаза открылись с трудом. Надо мной стояла Машка и щедро орошала пахнущей тиной влагой прямо из ведра. Это была уже перезрелого возраста Машка, с дряблой кожей и по-старушечьи поджатыми губами, так что дефилирующие мимо окончательно захмелевшие богатыри только отпускали в её адрес шуточки типа: «Эй, бабуля, пойдём со мной – сразу помолодеешь», – и весело ржали при этом. Машка не обращала на них никакого внимания, только одному особо бойкому остряку пообещала навести порчу на его меч-кладенец, отчего тот сразу потерял щедрое от природы чувство юмора. Заметив мой вполне осмысленный взгляд, Машка ласково сказала:

– Давай-ка вставай, миленький, да пойдём уж домой...

Она помогла мне подняться и, придерживая за плечи, провела мимо гогочущих мужиков, а также вольно раскинувшегося на земле мертвецки пьяного драчливого дядьки. Так и доставила меня, заботливо не давая упасть, через все пни и коряги, по причудливо извивавшейся тропинке, по непослушной встающей на дыбы лестнице до самой комнаты, где я и рухнул на кровать. Потом ещё наложила остро-пахнущую мазь на распухшее лицо, стащила с меня джинсы, кроссовки и укутала одеялом, приговаривая при этом:

– Ты не волнуйся, миленький, всё будет хорошо, всё обойдётся...

«Видимо, я в самом деле здорово ей нужен... всем им...», – ворошилось у меня в мозгу, пока я в очередной раз проваливался в мутно-липкое небытие.

Проснулся я легко, и голова была на удивление ясной. День клонился к вечеру. Зеркало беспристрастно отразило полное отсутствие следов насилия на моём лице, что меня приятно порадовало. «Ай да Машка...» Стук в дверь прервал моё самолюбование, и смутным тягостным воспоминанием в комнате нарисовался Степаныч. Был он помят, хмур и краток, басил, старательно отворачиваясь, в сторону:

– Ты... это... не обижайся уж на меня. Зол я на лешего. Не надо бы тебе к нему, да кто я, чтобы тебе советы давать... В общем, будет помощь какая нужна – уж постараемся не оплошать. Ну, я пошёл.

Дядька исчез. Краткий анализ его речи ясно давал понять, что не плошать в первую очередь всё-таки придётся мне, и Степаныч хоть немного, да надеется на меня, иначе не снизошёл бы до извинений.

Когда я спустился во владения Аделаиды Ивановны, она и Машка сидели рядышком на диване – прекрасные и печальные.

– Что грустим, красавицы? – бодро обратился я к присутствующим дамам полусвета. – Не переживайте, наладится всё как-нибудь.

Машка вздохнула.

– Наладится. А пока пошли со мной.

– Куда это? – довольно игриво поинтересовался я.

– Кисель пить.

Настроение резвиться у меня сразу пропало.

– В смысле? – в придачу, я тут же ещё и поглупел.

– В прямом. – Машка на меня не смотрела, говорила тихо и протяжно. – Леший велел передать – если хочешь о жизни с ним потолковать, то сначала киселька на пробу испей. Я тебе и оставила. – Вскинулась глазами. – Не передумал ещё в гости-то? Смотри, после киселька уже не удерёшь отсюда – всё по кругу будешь ходить да обратно возвращаться... А сейчас сбежишь – вовек нас не более не сыщешь. И товарищи твои не найдут. Уж мы постараемся.

– Так...

Пить кисель не хотелось. До спазм в желудке. Всё-таки я любил себя такого, как есть, а что там со мной приключится после распития – непонятно, но без странностей точно уж никак не обойдётся. Но выхода не было, после Машкиных слов я это понял сразу. Эх, бедолага ты, бедолага... Опять ведь одному на рожон переть придётся. Ну и ладно.

Мистерия моего возможного видоизменения обыденно произошла в столовой. Кисель был подан мне в пивной кружке, наполненной примерно на треть. Пахло от пойла болотной тиной и чем-то ещё, сладко-дурманящим и отталкивающим одновременно. Не закрывая глаз, я медленно цедил мутновато-белёсую жидкость, по вкусу напоминавшую... Не знаю. Это была смесь какого-то знакомого с детства лекарства, несвежей воды и растаявшей во рту при-торно-сладкой сахарной ваты. Во всяком случае, добавки просить не хотелось. Желудок вдруг резко свело от тупой боли, в горле засадило, слёзы сами потекли по полыхнувшим румянцем щекам. Затем по всему телу пробежал отголосок лопнувшей струны и на какое-то время ещё остался дрожать в ладонях и ступнях, пока окончательно не затих – может быть, в моей душе.

– Ну... как ты? – озабоченно и вместе с тем деловито осведомилась Машка.

– Да ничего вроде бы... – Просипел я. – Отпускает.

– А ты молодец, сильный. – Машка почти любовно пыталась заглянуть мне в глаза. – Меня вот сразу кружить начинает – кружит и кружит, так что себя уже не чувствуешь, потом душа вроде бы как на место опускается, а тело уже молодое, и пить хочется – пью-пью, а всё мало, мало...

– Да, – подала голос и Аделаида Ивановна, – и я как в себя прихожу – не упомню, после сразу на ноги поднимаюсь, а в нос рыбьим-то духом и не шибает вовсе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.